

ПРОСТОЙ НОРМАЛЬНЫЙ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК (ГОРОДСКОЙ ПОРТРЕТ НА ДЕРЕВЕНСКОМ ФОНЕ)

© 2016

О.Б. Божков

Человека, о котором не могу не написать, знаю очень давно — более 40 лет. С первого дня нашего знакомства испытываю к нему симпатию. И чем дольше общаюсь с ним, тем большим уважением проникаюсь, в том числе и потому, что каждый раз он открывается с какой-то новой стороны.

И только когда понял, что о нем непременно стоит написать, вдруг осознал, как это трудно. Оказывается, восхищение и восторг — не лучшие помощники. Все время тянет к “высокой патетике”, а это ну никак не вяжется с сущностью этого человека. Мой герой — вовсе не Герой (хотя как посмотреть...). Он отнюдь не патетичен, удивительно скромен, никогда не выпячивает себя, немногословен — предпочитает не говорить, а делать. Делать просто, надежно, без каких-либо претензий на благодарность или вознаграждение. Да и вид у него отнюдь не богатырский, так себе — пройдешь мимо и глаз не зацепится. Правда, пока его не знаешь. А узнавши, ни за что не пройдешь мимо, ибо каждая встреча с ним — пусть небольшой, но подарок. В общем, ничего у меня не получалось. И поначалу было непонятно, почему.

В 1989 году в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР мы организовали Биографический фонд (автором идеи был Валерий Борисович Голофаст¹). Отличительной его особенностью от других учреждений подобного типа должно было стать именно то обстоятельство, что в Фонд мы намеревались собирать биографические материалы самых *простых* людей. Фонду уже более четверти века и теперь в нем более тысячи единиц хранения: семейные хроники, дневники, собрания писем, биографические интервью, фотоальбомы, аудиозаписи, материалы конкурсов биографий, которые мы проводили. А в самом начале, когда мы только сформулировали задачу, то глубоко задумались... Прежде всего нас самих смутило слово “простых”. Что это значит? А какие люди не простые? Может быть, лучше сказать “обыкновенных”? Да нет, не годится. “Не выдающихся”, “не обладающих широкой известностью” — тоже неточно. И все-таки остановились на первом слове.

Через несколько лет, когда Валерия уже не было с нами, наш с ним общий друг, Сергей Рапопорт на очередные социологиче-



СУДЬБА



**Божков
Олег**

Борисович — социолог, руководитель Биографического фонда, старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург). В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: olegbozh@gmail.com

¹ В.Б. Голофаст (1941–2004) в то время был руководителем сектора социально-культурных изменений в структуре подразделения (социологического отдела), отделившегося от Института социально-экономических проблем АН СССР и вновь обретшего статус филиала (1989) московского Института социологии АН СССР.



**Борис Иванович
Максимов.**
Фото 2015 года

ские чтения памяти Голофаста прислал текст под названием “Явление простого человека (в работах Валерия Голофаста и не только)”. В частности, он писал: «В отличие от известных формальных и формализованных классификаций “статистического населения”, таких, например, как социально-демографические и социально-групповые, упорядочение по критерию “простоты” представляет собой своеобразную оценочную (качественную) дифференциацию населения. Можно считать, что признаками небанальности отличаются: во-первых, та часть интеллигентского сословия, которая изучает особенности биографий (будем условно называть ее “авторским сословием”) и, во-вторых, часть населения, которая названа выше “особыми людьми” (это герои культуры, политики и т.п.). Приведенные выше характеристики простых людей и биографий отражают “модель мира” авторского сословия — в применении к другим, непохожим на них людям.

Противопоставление простых и непростых людей очень часто встречается в текстах (устных и письменных) интеллигентских авторов по самым разным поводам, тем самым значительно расширяя семантику этих понятий, которая в каждом случае зависит от контекста» [3].

Вспомнив все это, глубоко задумался и даже попытался составить некий реестр черт человека, которого можно с уверенностью назвать простым, примеряя упомянутые черты к моему герою. И опять ничего не получилось. Но зато пришло понимание того, что мой негероический герой вполне соответствует представлению (прежде всего моему собственному) о нормальном хорошем человеке². Слово “нормальный” способствовало тому, что ушли из сознания и из текста неоправданная подчас патетика и безудержные восторги — осталось восхищение. Ведь, собственно говоря, мой герой не совершает никаких героических поступков. Просто он живет так, как считает правильным, и иначе жить не может и не хочет; делает то, что считает нужным и необходимым для себя. По принципу “если не я, то кто?”. А это и есть норма поведения нормального человека. Хотя практически следовать ей отнюдь непросто и не у всех получается.

А раз так, то пора раскрыть имя того, о ком идет речь: *Борис Иванович Максимов*, мой коллега и друг, социолог, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)³. Начну, пожалуй, с самых свежих моих “открытий” этого человека.

Работая в одном институте, мы, естественно, общаемся более или менее регулярно. Как-то, обсуждая проблемы Биографического фонда, я поделился с Борисом идеей организации выставки по материалам Фонда с целью привлечь к нему внимание и коллег-ученых (Фонд должен активно работать), и жителей города (Фонд должен регулярно пополняться). Борис Иванович — вооб-

² Замечу, нормальный человек, равно как и ненормальный, вполне может быть как хорошим, так и плохим.

³ Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН в 2000 году был преобразован в Социологический институт РАН (Санкт-Петербург).



О. Божков
Простой
нормальный
хороший человек

**Музей сельской
жизни в селе
Псоеть Лужского
района
Ленинградской
области**

ще очень полезный, заинтересованный и информативный собеседник — здесь выступил, как говорят, просто в тему. Оказалось, у него имеется подобный опыт. Вместе со своей дочерью несколько лет назад он создал музей деревни, в которой родился. Это было еще одно “открытие” для меня.

Как выяснилось в той же беседе, мы оба подали заявки на участие в одной и той же конференции, где будет участвовать и его дочь. Так я познакомился с Анной Борисовной Максимовой, директором Музея сельской жизни, что находится в деревне Псоеть Лужского района Ленинградской области, недалеко от центра сельского поселения Осьмино (ок. 140 км от Санкт-Петербурга). Получив от Анны буклет музея и приглашение посетить его, в один из июньских дней 2015 года после работы я отправился в указанную деревню (дорога на машине заняла около трех часов). На следующий день была запланирована презентация музея⁴ для представителей Лужской администрации и музейного агентства Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Музей сельской жизни находится в здании, построенном в середине или конце XIX века владельцем извоза (об этом свидетельствует флюгер на крыше, изображающий тележную упряжь). Прежде в здании поочередно размещались разные советские учреждения, в частности правление колхоза; последнее его функциональное назначение — деревенский клуб. Кстати, элементы его интерьера (сцена, наглядная агитация, кинобудка) сохранились и органично влились в музейную экспозицию. И хотя планируемая выставка по материалам Фонда, о которой я упомянул выше, — несколько иной жанр, экскурсия оказалась для меня чрезвычайно полезной.

По замыслу Бориса Ивановича и его дочери, это должен был быть музей одной деревни. Основу экспозиции, как рассказыва-

⁴ Краткий фотоотчет об этой презентации см. на моей страничке facebook'a.



СУДЬБА



Презентация новой концепции музея в авторском исполнении



⁵ Как руководитель Биографического фонда хорошо представляю себе все сложности этой гигантской работы. Тем более что не все хозяева (в том числе бывшие, поскольку некоторые дома проданы дачникам) сегодня живут здесь. Но в планы организаторов музея, насколько известно, включается и поиск их потомков, ныне живущих далеко за пределами родной деревни.

⁶ Современная постройка, возведена на собственные средства одного из нынешних жителей деревни, такого же энтузиаста, как и мой герой.

ла Анна, составило содержимое трех разобранных чердаков — их собственного дома и двух (с половиной) домов наиболее активных и солидарных соседей. Естественно, данный ресурс пока задействован лишь частично. Однако (в том числе и под влиянием идеи Биографического фонда) Борис Иванович пришел к выводу: концепцию музея необходимо расширить, она также должна охватывать близлежащие деревни (в сельской жизни все довольно тесно связано), район, область и (отчасти) даже страну в целом. Иначе говоря, жизнь конкретной деревни целесообразно вписать в более широкий географический, социально-экономический и политический контекст. В соответствии с новой концепцией в экспозиции уже задействованы среди прочих материальных объектов сельской жизни (например, сельскохозяйственного инвентаря) также фотографии всех домов деревни Псоедь и начат сбор автобиографий их хозяев, планируется восстановление семейных хроник⁵.

В ходе презентации мы прошли по деревне, останавливаясь у наиболее примечательных строений (дом мельника, часовня⁶), а также посетили пару местных ландшафтных достопримечательностей (девонские отложения, волос-камень) и исторический объект — поклонный крест. Выполненный из простых некрашеных бревен, этот поклонный крест с “домовиной” появился уже после войны именно по инициативе Бориса Ивановича и при его непосредственном участии. Он поставлен у самого склона глубокого оврага, ступенями спускающегося к реке.

Мой герой (он родился в 1934 году) застал Войну семилетним мальчишкой. К тому же оказался на оккупированной немцами территории. Во время казни партизан и сочувствующих им жителей фашисты (для устрашения) сгоняли на место расправы всех местных жителей, включая детей и подростков. Борис, естествен-



О. Божков
Простой
нормальный
хороший человек

Экспонат музея —
старинный ткацкий
станок

но, не раз находился среди свидетелей. Расстрелами занимались не немцы, а полицаи, то есть свои же односельчане. Приговоренному командовали: “Пошел!” — и он начинал спускаться в овраг. Ему стреляли в затылок. Когда процедура заканчивалась, местным жителям не возбранялось похоронить расстрелянных. Один из эпизодов, сохранившийся в памяти Бориса, особенно потряс. Один из приговоренных, когда подошла его очередь (Борис назвал его по имени и отчеству), часто крестился и повторял без пауз: “Господи, помоги. Господи, спаси. Господи, помоги. Господи, спаси” — и когда подходил к краю обрыва, и когда спускался по нему. Не помог. Не спас.

Все это Борис Иванович рассказывал негромким ровным, почти бесстрастным голосом. Мне показалось, что мысленно он был там — в том времени и, полагаю, снова видел то, о чем вспоминал (ведь детские впечатления необычайно яркие и в пожилом возрасте, а Борису сейчас уже за 80, остаются такими же). А потом говорил о полициях, своих односельчанах. И нашел для многих из них оправдание: “Выбор у них был невелик — либо в Германию на работы, либо в концлагерь, либо в полицаи. А это значит — жизнь. Большинство из них не зверствовали”. “Но был один [названы имя, фамилия], который ходил по деревне с плетью и “угощал” ею со сладострастием любого встречного. Не понимаю, почему он не ушел с немцами, а остался в деревне. Думаю, что его-то точно расстреляли”, — завершил свой рассказ Борис Иванович.

Конечно, в ходе презентации было еще несколько “открытий” неизвестных мне ранее сторон моего героя. Борис Иванович оказался бесконечно уважаемым и безусловным духовным и идейным лидером в своей семье. А еще я узнал новые факты его биографии.



СУДЬБА



Экспонат музея — ветряк, изготовленный Б.И. Максимовым в подростковом возрасте



Во время экскурсии в самом музее, пожалуй, наиболее сильное впечатление произвели на меня ветряк и связанная с ним история, которую рассказал Борис. Этот ветряк, будучи еще подростком, он сам спроектировал и смастерил, чтобы облегчить матери работу. Ветряк предназначался для того, чтобы крутить жернова домашней крупорушки (это довольно тяжелая работа). Самое главное заключалось не в крыльях, а в редукторах, именно они доводили силу ветра до крупорушки и приводили ее в движение. Естественно, редукторы были весьма жесткой конструкцией. И когда ветряк заработал, сарай, на который тот был поставлен, стал разваливаться от вибрации. Прагматичная мать не оценила изобретательности сына, и он получил свое по полной программе. Однако сам ветряк сохранился и теперь представлен в экспозиции музея.

По ходу неформальной экскурсии (а мне представляется, что здесь все экскурсии проводятся неформально) возникло еще несколько моментов, когда либо сам Борис Иванович, либо его дочь, либо жена сообщали всё новые и новые эпизоды из биографии моего героя. Например, я узнал, что Борис рано научился и любил читать, а его мать, будучи неграмотной, рвала книги, чтобы сын не отвлекался на “пустяки” (работы по дому и по хозяйству было невпроворот). Так что в обычной школе Борис прошел всего пять классов. Но тяга к знаниям и чтению была непреодолима. Он учился в ремесленном училище, в вечерней, а потом и в заочной средней школе. В промежутке между обучением отслужил в армии. В результате аттестат зрелости Борис получил, сдав все экзамены экстерном. И поступил на философский факультет ЛГУ, на отделение психологии⁷.

Вернемся к экскурсии по деревенскому музею и непосредственно к моему герою. В музее представлен (думаю, с собственного

⁷ Более полные биографические сведения о Б.И. Максимове приведены в его статье “Социолог как лошадь, скачущая в стойле” [см.: 2].



О. Божков
Простой
нормальный
хороший человек

Б.И. Максимов
во время экскурсии
по музею
рассказывает,
как варили
в деревне пиво

чердака Бориса Ивановича) полный набор утвари для варки домашнего пива. Борис доходчиво, с массой интересных подробностей описал весь процесс его приготовления. Оказывается, у каждой семьи в этом деле был свой секрет. Скажем, мать Бориса в нужный момент добавляла в готовящееся пиво карамельки, что придавало ее пиву специфический вкус и аромат. В секрете держались время, когда следовало вводить добавку, сорт карамели и, естественно, необходимая доза.

На другом экспонате — станке для производства дранки (ею в деревнях покрывали крышу, а иногда и стены) — Борис продемонстрировал, как тот работает. Желаящим он предложил сделать хотя бы одну дранку самостоятельно (думаю, что здесь так бывает на каждой экскурсии, если, конечно, в этот момент присутствует кто-либо из членов семьи Бориса, владеющий этой операцией, либо он сам). Было также предложено попробовать свои силы в распиловке бревна на доски — один из экспонатов представляет собой необходимое для этого устройство (специальные козлы и поперечная пила).

И еще об одном эпизоде. О нем я знал и раньше. Борис Иванович и его жена, Людмила Ивановна несколько раз ездили со мной в социологические экспедиции в Тверскую, Новгородскую, Вологодскую и Ленинградскую области. Основная тема экспедиций была связана с изучением состояния и перспектив деревни в Северо-Западном регионе РФ. Оба они замечательно работали интервьюерами, а кроме того брали интервью у разных людей на конкретную, интересующую их тему: что сегодня происходит с церковью на селе. Во многих местах мы обнаруживали руины храмовых сооружений — одни в совсем печальном состоянии, иные в принципе еще можно было бы восстановить. Попадались и новоделы, как правило часовни.



СУДЬБА



Фрагмент музейной экспозиции. На переднем плане — действующий миниатюрный патефон



Конечно, мы делились впечатлениями и обсуждали в том числе и эти “храмовые” вопросы. В этих экспедициях Борис, как бы между прочим, и сообщил мне, что иногда с друзьями участвует в восстановлении храмов, в частности в родном Осьмино. В экспозиции музея деревни Псоедь имеются фотографии церкви в Осьмино и сохранившиеся два могучих элемента восьмерика от нее (толстенные, более полуметра в обхвате, хорошо обработанные бревна длиной 1,5–2 метра каждое). Анна Максимова поведала историю спасения церкви, в котором активнейшее участие принимал ее отец, Борис Иванович с горечью дополнил рассказ. Оказывается, сами церковные служители отнеслись к своему храму, мягко говоря, спустя рукава и проявили полную некомпетентность. К сожалению, ныне от церкви осталась лишь небольшая часть — восьмерик спасти так и не удалось.

Говорят, подобное тянется к подобному. Письмо Бориса к нашему коллеге и общему другу⁸ очень хорошо, как мне кажется, характеризует самого автора письма, поэтому привожу его полностью:

«Дорогой Андрей,

хочу поздравить тебя, но выехал в деревню, а тут сначала не было электричества, потом интернет не получался. Прости за опоздание, еще одно и в таком деле. Все эти дни Люда, жена, тербила меня: “Ты послал письмо Андрею?” Так что это поздравление можно считать нашим общим.

Искренне рад, что судьба свела нас, точнее — меня с тобой, и, несмотря на жизненные приключения и разницу в характерах, не развела более 40 лет!

Я всегда оглядывался на тебя и старался быть достойным твоей дружбы. Как все знавшие тебя и порядочные, преклоняюсь пред твоей научной глубиной, основательностью, первопроход-

⁸ Письмо написано Андрею Николаевичу Алексею по поводу его дня рождения. Андрей Николаевич — по базовому образованию журналист, по призванию социолог. Много лет работал в социологических по профилю институтах АН СССР, затем РАН. В настоящее время сотрудник НИЦ “Мемориал”, постоянный автор и ведущий портала Когита.ру. Автор четырехтомного труда “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” [1].

чеством в науке и жизни, перед твоими человеческими качествами борца, “предельно честного, порядочного и негибачеого человека-гражданина” (в кавычках — слова Люды). Ты вполне достоин героя труда и России; жаль, что государство (да и общество) не выделяет и не награждает героев в нашей деятельности, требующей мужества, возможно, поболее других сфер. Но твое сообщество считает тебя выдающимся — и ты всегда ценил “малый мир”, круг друзей, почитателей, любимых и любящих. Надеюсь, судьба еще подарит нам мгновенья этой замечательной жизни и продлит талант дорожить, любоваться каждым ее часом! (снова слова Люды).

Тебе здоровья, радости, доброжелательности и симпатии окружающих, успехов в твоих несокращающихся фронтах деятельности!

С постоянным почтением и восхищением Б. Максимов и Л. Максимова

(Отдельный юбилейный текст сочиняю, но боюсь оказаться вторичным, третичным и так далее. Б.М.)»⁹.

В письме хорошо просматривается одна из важнейших черт простого нормального хорошего человека — не выпячивать себя, не “якать”, всегда находить добрые (порой восторженные) слова для других. Что бы ни делал мой герой, он старается это делать так, чтобы не было совестно за сделанное — ни перед другими, ни тем более перед собой. И это также, на мой взгляд, одна из важнейших черт простого нормального хорошего человека.

Думаю, таких людей немало, но мы не всегда умеем их разглядеть, понять и поддержать. Может быть, потому, что они составляют глубину, сущность, “соль земли”. А на поверхности, как правило, оказывается “пена”, которую отлично видно, которая нахально лезет в глаза и, к сожалению, все чаще и активнее выдает себя за норму.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия: в 4 т. СПб.: Норма, 2005.

2. *Максимов Б.И.* Социолог как лошадь, скачущая в стойле // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2—14. См. статью также на сайте журнала: URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru>

3. *Рапопорт С.С.* Явление простого человека (в работах Валерия Голофафа и не только) // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофафа / под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 11—15.

О. Божков
Простой
нормальный
хороший человек

⁹ Адресат приведенного письма, А.Н. Алексеев опубликовал его на сайте Когита.ру в своем блоге.